

КАРЛ КОНТ (Таллин)

О ПАРТИТИВЕ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Обозначение частичности при помощи специального падежа свойственно не всем финно-угорским языкам, оно встречается только в прибалтийско-финских и саамском, где падежом обозначения частичности служит партитив, в мордовских языках частичность выражает аблатив, по происхождению тождественный с партитивом прибалтийско-финских и саамского языков.¹ Выражение частичности в финно-угорских языках возникло в сфере пространственных отношений. Для финно-угорских языков характерно тройное деление местных падежей: 1) падежи вхождения (отвечают на вопрос *куда?*), 2) падежи нахождения (отвечают на вопрос *где?*) и 3) падежи отделения (отвечают на вопрос *откуда?*). Последние (элатив, аблатив, делатив и др.) в разных современных финно-угорских языках имеют сложные окончания с вторым компонентом на *-t* (в угорских языках на *-l*). Почти во всех финно-угорских языках этот *t*-овый показатель отдельно встречается в некоторых наречиях (выступающих даже послелогоми и предлогами) со значениями — снизу, из-под, сверху, сзади и т. д. Эти наречия представляют собой формы древнего уральского аблативного падежа, выражавшего в основном удаление и отделение. Окончание древнего уральского аблатива (или сепаратива) — **-ta* (**-tä*), которое в современных финно-угорских языках или сохранилось (в прибалтийско-финских в виде *-ta*, *-tä*, *-d* или *-a*, *-ä* — результат чередования ступеней, в виде *-t* в саамском языке — в виде *-go*, *-ga*, *-ge* в мордовских языках) или превратилось в *-ts*, *-tš* (в марийском языке)², например: фин. *alta*, эст. *alt*, саам. *vuallēt*, морд. *algo*, *alga*, мар. *йымач* 'снизу, из-под'. В угорских языках окончание аблативных наречий — *-l*, нетождественное с *t*-овым окончанием³, например, венг. *alól*, манс. *ёлыл* 'снизу', хант. *элал* 'спереди'. Об уральском аблативе существуют различные мнения, например, П. Равила и другие предполагают, что аблатив в уральском языке был общеупотребительным падежом. По мнению Б. Коллиндера, древний аблатив выступал только в некоторых наречиях локаль-

¹ См. также К. Kont, *Läänemeresoome partitiivist, mordva ablatiivist ja baltislaavi genitiivist*. — KKIU VI, Tallinn 1961, стр. 190—199; с докладом на эту тему автор выступил на Всесоюзной конференции по финно-угроведению в г. Сыктывкаре, июнь 1965 г.

² В. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Uppsala 1960, стр. 287; П. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*, Budapest 1966, стр. 122.

³ J. Berrár, *Magyar történeti mondattan*, Budapest 1957, стр. 29; М. Liimola, *Zur historischen Formenlehre des Wogulischen I. Flexion der Nomina* (= MSFOu 127), Helsinki 1963, стр. 167.

ного и темпорального значения и поэтому не мог быть общеупотребительным локальным падежом.⁴

Как продолжатели древнего аблатива, партитив и аблатив (мордовских языков) сохранили окончания указанных наречий, но из функций удаления и отделения постепенно развились обозначение частичности и другие значения, свойственные этим падежам. Прибалтийско-финский партитив и мордовский аблатив — общеупотребительные падежи со сравнительно многими функциями — употребляются и применно и приглагольно. Партитив в современном саамском языке (окончания *-de, -t, -tted, -rē, -dē*) не входит в систему именного склонения как общеупотребительный падеж, он употребляется главным образом в единственном числе.⁵ Являясь формантом наречий, партитив, кроме того, выступает в западных говорах саамского языка только sporadично в некоторых местоименных и числительных конструкциях и не встречается в именах существительных, например: *mādē — dādē* 'чем — тем' (шведско-саамское), *Täpnas kul^midē puw^uci^ste* 'von diesen drei Renntier' (Lag. LW I 99), *Tysfjord nū^ñ-ñtie le šñučiek kyo-k^Htat ki-čičies* 'das Zugnetz ist keilförmig verengt an beiden Enden' (Lag. LW II 885). В восточных диалектах саамского языка (в финско-саамском, сколта и в диалектах Кольского полуострова) партитив используется несколько шире, бывает формой имени существительного, хотя sporadично и нерегулярно.⁶ Он употребляется и при количественных числительных (за исключением 'один'), особенно при числительных больше шести, например: *P tsjⁱttsōm āⁱē^v* 'семь сыновей', *K kiččem lejpe^d* 'семь хлебов', *T ločke sa^llq^a küčka^e* '10 сажен длиной'.⁷ Кроме этих случаев, партитив возможен при сравнительной степени, со словами «много», «мало» и «некоторый» и в некоторых предложных и послеложных конструкциях, например: *K ted^o olmne^tted i iennij lea* 'тех людей нет много', *K viervete vanas lij* 'белок мало', *P tuadde ekked* 'несколько лет', *T son jämp tara njiktšmed ji did njiktšem* 'кроме русского языка, он языков не знает', *P pōär^asāv sūdet* 'старше его', *K vu^ust^A mūrro^d* 'об дерево', *K tin^a uⁱñme^tte(δ) mīlat* 'по вашему увидению', *K ku^uro^d šāⁱted* 'в середине пола', *K øhted milest* 'единодушно'. Употребление партитива и здесь не последовательно, он может заменяться аккузативом.

При сравнении употребления саамского партитива и мордовского аблатива находим много общего, что дает повод предполагать сравнительную древность саамского партитива. Но не ясно, потерял ли саамский партитив целый ряд своих функций или развитие прекратилось до оформления его как падежа. Некоторые исследователи считают, что употребление партитива как формы имени существительного в восточ-

⁴ См. В. Collinder, *The Affinities of Lapp.* — UUA 1945, В. II. 1945: 12, Uppsala-Leipzig 1945, стр. 138—139.

⁵ Во множественном числе окончание партитива стало окончанием аккузатива, который выполняет функции прибалтийско-финского аккузатива и партитива, ср. К. Nielsen, *Et tredelt bidrag. 2. Partitiv i Finnmark-Lappisk.* — Tromsø Museums Skrifter. Vol. II. Festskrift til Rektor J. Qvigstad 1853 4 april 1928, Oslo 1928, стр. 168.

⁶ Подробнее об употреблении партитива в финско-саамском диалекте см. К. Nielsen, указ. раб., стр. 177; К. Bergsland, *Numeral Constructions in Lapp.* — *Studia Septentrionalia V. Liber saecularis in honorem J. Qvigstadii ad IV aprilis a. D. MCMLIII*, Oslo 1953, стр. 31—68.

⁷ Все саамские примеры заимствованы из работы: Т. Itkonen, *Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I*, Helsinki 1958.

ных диалектах саамского языка возникло под влиянием карельского языка. Данная точка зрения остается гипотезой. Гипотетично также мнение Й. Беронки о том, что когда-то в саамском языке партитив повсюду употреблялся как форма имен существительных (и даже форма парциального объекта)⁸, так как лишь отдельные примеры из саамских книг XVII века нельзя признать убедительными. По всей вероятности, употребление партитива в роли объекта объясняется финским влиянием. Однако одно обстоятельство говорит в пользу древности саамского партитива. Саамский аккумулятив множественного числа, выполняющий одновременно функции аккумулятива и партитива, имеет окончание *-id*, которое, очевидно, по происхождению представляет собой окончание партитива множественного числа (ср. финский партитив множественного числа на *-ita*, *-itä*). При этом генитивообразный аккумулятив единственного числа (древнее окончание которого *-m*) выражает одновременно функции тех же падежей в единственном числе. Значит — эти падежи совпадают и своеобразно разделили свои окончания. В таком случае спорадичные примеры употребления партитива единственного числа — рудименты древнего употребления. Вопрос о происхождении саамского партитива все-таки остается гипотетическим.

Сравнивая функции прибалтийско-финского партитива с функциями мордовского аблатива, мы видим, что мордовский аблатив более тесно связан с обозначением локальных отношений — отделением и удалением, чем прибалтийско-финский партитив, например: эрз. *кудодо кудос яксема*, мокш. *кудта кудс яксема* 'хождение из дома в дом' (Коляденков ГМЯ II 209), эрз. *берёкто берёкс уйнама*, мокш. *берякта берякс уенема* 'плавание от берега до берега', эрз. *ошто ошс яксема* 'путешествовать от города до города' (там же). В прибалтийско-финских языках в таких случаях применяется не партитив, а элатив, например: эст. *majast majja käima* 'ходить из дома в дом', *reisida linnast linna* 'путешествовать из города в город', *elab teest kõrval* 'живет в стороне от дороги'. Мордовский аблатив (но не прибалтийско-финский партитив) указывает в таких случаях на неограниченное место, откуда уходят, удаляются. Когда место ограничено, конкретно, всегда употребляется элатив, например эрз. *мон туян ошто* 'я уйду из города'. Неопределенность и неограниченность места, откуда удаляются, предположительно свойственны уже древнему аблативу. Чисто локальный падеж элатив, имеющий в мордовских языках составное окончание *-sto*, *-sta*, *-ste*, уточняет и конкретизирует значения удаления и отделения. В прибалтийско-финских языках развились два падежа отделения: элатив на *-sta*, *-stä* и аблатив на *-lta*, *-ltä*. Существование двух специальных падежей локального отделения еще больше ограничило сферу местного значения прибалтийско-финского партитива.

Оттенки локальности содержат и другие, более «абстрактные» случаи употребления мордовского аблатива, связанные с удалением от индивидов или вещей (в связи с глаголами «отделиться», «убежать», «переставать», даже «спрятать» и др.), например: мокш. *ялда илярдомс* 'отстать от товарища' (Коляденков ГМЯ II 209), *братта явомс* 'отделиться от брата' (там же); эрз. *тейтеркс чиде явомо* 'от девичества отделиться' (Балакин АМС 119), *куломадонть а оргодеват* 'от смерти ты не можешь убежать' (ЭВ 12), *мон тонь кекшитинь куломадо* 'я тебя спрятал от смерти' (Балакин АМС 119), *сюнав лангс работазь касомадо як лоткин* (Лукиянов ВК 5) 'для богатого работая я перестал и расти'. В прибалтийско-финских языках в таких случаях выступает обычно элатив, партитив только в северной группе (и даже в некото-

⁸ J. Beronka, Lappische Kasusstudien II, Oslo 1940, стр. 145.

рых диалектах эстонского языка при глаголе «убежать»), например, фин. *oppi pakenee meitä* 'счастье бежит от нас', *paeta sutta* 'бежать от волка'. Даже при таких глаголах, как «говорить», «писать», «думать», «знать», «слышать», в прибалтийско-финских языках выступает часто элатив, например, эст. *räägiti sellest* 'говорили об этом', *mõtlen temast* 'думаю о нем'. В эрзя-мордовском языке выступает аблатив, например: *теде аволь весть кортнесть партиянь райкомсо* (Лукиянов ВК 6) 'об этом не один раз говорили в райкоме партии', *чатьмонть теде* (Абрамов Н 337) 'молчи об этом', *тетясь, паряк, те кулядонть ещѣ а соды* (там же 80) 'отец, может быть, не знает об этой вести'.

Эти три группы случаев прилагательного употребления мордовского аблатива характеризуют его как «общеотделительный» падеж. Кроме того, мордовский аблатив выражает и причину, например, эрз. *сынъ весе кармасть авардеме радостте* 'они все стали плакать от радости' (Балакин АМС 120), *монь мелем мольс бобаскеденть* (Евсевьев ЭЭ 1) 'мне надоела побасенка'. Партиитив причины выступает и в северной группе прибалтийско-финских языков, например, фин. *hän kuoli vanhuuttaan* 'он умер от (своей) старости'. В прибалтийско-финских языках из него возник парциальный объект при глаголах чувства («бояться», «стыдиться», «ненавидеть», «страдать», «завидовать» и др.). Здесь партиитив первоначально обозначал только причину, потом возникло и значение объекта, например: фин. *mitä hän minua pelkää* 'что он меня боится', *pelkää kuolemaa* 'боится смерти', *hän ikävöi äitiänsä* 'он тосковал по матери', эст. *häbene oma sõnu* 'стыдись своих слов', *me armastame oma maad* 'мы любим свою страну'. А в мордовских языках аблатив при глаголах, обозначающих чувства (главным образом при глаголах «бояться» и «стыдиться»), указывает на причину и не является прямым дополнением, например: эрз. *пелемс овтодо* 'боится медведя', *виздемс ломаньде* 'стыдиться людей'. И в прибалтийско-финских языках парциальный объект выступает не всегда, например, в ливском языке при глаголах «бояться» и «стыдиться» употребляется элатив: *piñ vetst äb karita* (Kettunen LWb 107) 'собака не боится воды', *ta üigäb miñnstä* (там же 448) 'он стыдится меня'.

Партиитив в прибалтийско-финских языках лег в основу обширной тотально-парциальной конструкции в области объекта (а также субъекта и предикатива). Парциальный объект выражает частичность предмета и незаконченность и безрезультатность действия глагола; он чередуется с тотальным объектом, выражающим целостность предмета и законченность и результатность действия. Чередование парциального и тотального объектов возможно почти у всех переходных глаголов. Приведем примеры употребления парциального объекта: фин. *poika syö kalaa ja leipää* 'мальчик ест рыбу и хлеб', *hän haki kaapista pullon ja vöileipiä* 'он принес из шкафа бутылку и бутерброды', *tuuli nostaa pölyä ilmaan* 'ветер поднимает пыль'; эст. *ta loeb raamatut* 'он читает книгу', *ehitame maja* 'строим дом'. Мордовский аблатив выступает как падеж прямого дополнения только при некоторых глаголах («есть», «пить» реже «принести», «положить», «воровать» и др.), например: эрз. *од ещѣ винадо симеме* (Абрамов Н 13) 'молодой еще, чтобы пить вино', *верьгизэсь верьгиздэ а суски* (ЭВ 27) 'волк волка не кусает', *кант монень се ойденть, паряк пичкан* (Евсевьев ЭЭ 28) 'принеси мне это масло, может быть, выздоровею', мокш. *сонцьке копордась кельме ведняда* 'и сам он хлебнул холодной водицы' (Балакин АМС 128), *лама йотасть синь вирьда, велѣда, кочкасть народта, повсесть баярда* 'много прошли они лесов, сел, собрали людей, казнили помещиков' (там же), *таргамс табакта* 'курить табак' (Коляденков ГМЯ II 203).

Мордовский аблатив выражает частичность и в приименном употреблении, главным образом при словах «много» и «сколько», например: эрз. *аноктнедеяк ламо* 'готовых много' (Балакин АМС 125), *кинь ютксо седе ламо дурактнеде?* 'среди кого больше дураков?' (там же), *цёратнеде тесэ зяро?* 'мужчин здесь сколько?' (там же), мокш. *лама ланганза йотай славадо* 'много по ней идет славы' (там же 126), *лама зряви тейнза нарядта* 'много ей нужно нарядов' (там же). Обычное здесь все-таки номинатив, например, эрз. *ламо суро* 'много хлеба (зерна)'. В прибалтийско-финских языках при словах «много» и «мало» употребляется партитив.

Вполне вероятно, что широко распространенное различие части и целого связано с окончательным образованием партитива в прибалтийско-финском праязыке. Однако это явление корнями своими уходит в волжско-прибалтийско-финский период. Исследование функций более архаичного мордовского аблатива разъясняет путь развития партитива прибалтийско-финских языков. Но целый ряд функций партитива отсутствует у аблатива мордовских языков. При сопоставлении функциональной нагрузки партитива прибалтийско-финских языков со способами употребления и функциональной спецификой генитива балтийских и славянских языков невольно бросается в глаза сходство этих языковых явлений.⁹ Прибалтийско-финскому объекту в форме партитива в отрицательных по структуре предложениях соответствует прямой объект в форме генитива в балтийских и славянских языках, например, латышское *es to cilvēku pazīstu, bet tā cilvēka nepazīstu* 'этого человека я знаю, а того человека не знаю', *neviens vārds neteica* 'ни одного слова не сказал', рус. *романов она не любила*. В прибалтийско-финских языках с отрицанием всегда связан партитив, например, фин. *en lukenut tätä kirjää* 'я не читал этой книги', эст. *poeg ei taha kirjutada kirja* 'сын не хочет писать письмо', *miks sa ei sulgenud ust?* 'почему ты не закрыл дверь?'. В некоторых случаях в генитиве употребляются субъект и предикатив, например: латышское *kā nav laba kumeliņa* 'если нет хорошего жеребенка', рус. *хлеба нет на столе*, латышское *bij man dziesmu*, эст. *oli mul laule* 'было у меня песен', латышское *bija gan tur ļaužu*, эст. *oli küll seal rahvast* 'было уж там народу'.

Парциальный родительный падеж выступает и приименно (у числительного и у таких слов, как «килограмм», «литр», «тонна», «бутылка» и др.), например: латышское *divi cilvēka*, эст. *kaks inimest* 'два человека', латышское *trīs grāmatas*, эст. *kolm raamatut* 'три книги', латышское *vesels ducis zīmuļu* 'целая дюжина карандашей'.

Археологические данные свидетельствуют о том, что начиная со II тысячелетия до н. э. предки балтов и прибалтийских финнов в течение продолжительного периода времени жили на общей территории, что, по-видимому, и обусловило появление сходных языковых черт. Можно предположить, что окончательное образование функций партитива проходило в сфере взаимодействия балтийских и прибалтийско-финских языков. Неполное развитие саамского партитива и архаичность мордовского аблатива говорят в пользу этой гипотезы.

⁹ См. также W. Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik. II. Band. Formenlehre und Syntax*, Göttingen 1928, стр. 229; I. Vahros, *Venäjan genetiivi ja suomen partitiivi eritoten objektin ja subjektin kaasuksina*. — *Verba docent. Juhlakirja Lauri Hakulisen 60. vuotispäiväksi* 6. 10. 1959, Helsinki 1959, стр. 228 и сл.

Сокращения

Абрамов Н — К. Абрамов, Найман. Роман, Саранск 1957; **Балакин АМС** — П. Г. Балакин, Аблатив (отложительный падеж) мордовского склонения. — Мордовский научно-исследовательский институт. Записки 12, Саранск 1951; **Евсевьев ЭЁ** — М. Е. Евсевьев, Эрзянь ёвкст, Москов 1938; **Kettunen LWb** — L. Kettunen, Livisches wörterbuch, Helsinki 1938; **Коляденков ГМЯ II** — М. Н. Коляденков, Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Часть II. Синтаксис, Саранск 1954; **Lag. LW I, II** — E. Lagerantz, Lappischer Wortschatz I, II, Helsinki 1939; **Лукьянов ВК** — А. Лукьянов, Валдо ки, Саранск 1952; **ЭВ** — Эрзянь валмеревкст. Пурныцясь ды составителесь К. Т. Самородов, Саранск 1955.

KARL KONT (Tallinn)

ON THE PARTITIVE CASE IN FINNO-UGRIC LANGUAGES

In order to denote partiality, special cases are formed among the Fenno-Ugric languages in the Baltic-Fennic languages (partitive), in Lappish (partitive) and in the Mordvin languages (ablative). These cases are immediate successors of the Proto-Uralic ablative (separative) in **-ta ~ *-tä*. Their functions, however, differ greatly. The partitive in Lappish is a defective case of sporadic adnominal usage. The functions of the ablative in Mordvin are similar to those of local cases, the adverbial functions (i. e. the germs of a partial object) being undeveloped. The partitive in Baltic-Fennic is mainly an adverbial case denoting partiality (thus being the case of a partial object, subject and predicate). The partitive in Baltic-Fennic, in some respects, resembles the partial genitive in Baltic-Slavic, being probably influenced by Baltic languages in its evolution.